ГОРОДСКОЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ

УДК 72.01:159.9:316 Научная статья

Евгений Витальевич Молоков✉
магистрант каф. архитектуры, Тюменский государственный институт культуры (ТГИК). Россия, 625048, Тюмень, ул. Карская, 38;
e-mail: portfoster@gmail.com

Валерий Васильевич Козлов
канд. архитектуры, профессор каф. архитектуры и градостроительства, профессор каф. архитектурного проектирования, Иркутский национальный исследовательский технический университет (ИРНИТУ). Россия, 664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 83;
e-mail: kozlov@istu.edu

СОЦИАЛЬНАЯ ДИСТАНЦИЯ КАК СТРУКТУРООБРАЗУЮЩИЙ ИНСТРУМЕНТ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Статья представляет собой междисциплинарное исследование на стыке архитектуры и психологии, рассматривающее социальную дистанцию в качестве пространственной характеристики, способной организовывать антропогенную среду в зависимости от психологических особенностей ее пользователей. В роли определяющих морфологию используются некоторые когнитивные стили и поведенческие особенности индивидов. Количественные показатели их распространенности впервые предложены в качестве критерия пространственной организации, что определяет новизну работы. Целью исследования является разработка идеализированной пространственной модели, формирующей оптимум социальных дистанций акторов антропогенной среды. Для ее достижения выполнена корреляция процентных соотношений когнитивных стилей и поведенческих особенностей с последующей категоризацией проксемических дистанций, что суммарно легло в основу пространственного моделирования. Построенная пространственная модель, являясь основным результатом работы, подтверждает гипотезу о таких необходимых условиях существования оптимума социальных дистанций, как строгое количественное и качественное заполнение пространства акторами, отсутствие транзитной миграции, ограниче-

ние форм коммуникации. Данная работа не только определяет траекторию последующего междисциплинарного синтеза, но и расширяет возможности развития концепции целевых когниций, направленной на создание общественных пространств, способствующих самоидентификации и самоактуализации различных групп городских акторов.

Ключевые слова: городская среда, когнитивные стили, поведение, проксемика, социальная дистанция.

Для цитирования: *Молоков Е. В., Козлов В. В.* Социальная дистанция как структурообразующий инструмент городской среды // Социология города. 2026. № 2. С. 5—17. DOI: 10.35211/19943520_2026_2_5

Введение

Увеличение числа индивидов, передвигающихся на автотранспорте, вкупе со стремительной виртуализацией социума трансформируют осмысление материальной антропогенной среды ее пользователями (Гейл, 2012). Процесс интеграции социальных сфер жизни в цифровое сетевое пространство, замещение реальной вещной среды цифровыми образами и взаимодействиями приводят к смене традиционных представлений о месте, коммуникации и социальной идентичности. Но в качестве комплекса психических стимулов различной природы городская архитектурно-пространственная среда остается главенствующей детерминантой индивидуального и социального поведения городских акторов.

Современная отечественная архитектурная и градостроительная практика не уделяет внимания психологической компоненте в контексте психических особенностей индивида, фокусируясь чаще лишь поверхностно на вопросах эргономики, стилистических характеристиках, дизайн-концепциях. Несоответствие проектных решений этим особенностям детерминирует стресс-факторы, не только тормозящие развитие субъекта, но и негативно влияющие на органику городских процессов в целом. Подходы к проектированию архитектурно-пространственной среды вне психологической оптики зачастую приводят к дисбалансу социальной активности в городских пространствах, что одновременно обусловливает социальную компрессию в определенных городских зонах и средовую деградацию в других. Материализованные в городской среде несоответствия социальных дистанций (СД) также становятся ограничениями для реализации потребностей индивида, которые, в свою очередь, формируют его ценности. Так городская среда способна становиться системой стрессоров, фрустрацией потребностей, ингибирующих самоидентификацию человека, тем размывая его идентичность.

Ключевая проблема исследования состоит в отсутствии модели СД, адаптированной к индивидуальным психическим особенностям городских жителей. Индивиды со схожими психическими особенностями демонстрируют большую удовлетворенность совместным пространством (Witkin, Moore, Cjjodenough, Cox, 1977), по этой причине выявленные оптимумы СД в роли структурообразующего инструмента антропогенной среды позволяют минимизировать стрессогенез посредством пространственной организации их коммуникации. Поднятый вопрос оптимизации СД становится особо актуальным в пост-глобалистском дискурсе, где динамика кросс-культурных моделей

универсально основывается на компромиссной унификации коммуникаций, находящей себя в том числе в урбанистическом пространстве, являющемся контекстом существования большинства жителей планеты.

В настоящее время в рамках психологического дискурса, рассматривающего поведение потребителей среды, можно выделить следующие основные концепции и методы. Исследования городской среды при помощи ментальных карт, включающих изображения и словесные описания ее ключевых элементов, позволяют получить данные для оценки ориентации индивидов в городе (Линч, 1982). Психогеография в методе полевых исследований с измерением эмоциональных и физиологических реакций в реальном времени выявляет влияние элементов городской среды на психофизиологическое состояние людей (Ellard, 2020). Исследования в области нейроархитектуры, использующие методы нейрофизиологии для изучения реакций мозга на архитектурно-пространственную среду (Eberhard, 2009), позволяют создавать архитектуру, способствующую комфорту и улучшению психического состояния ее пользователей. Эти методы развиваются и успешно апробируются в различных зарубежных исследовательских проектах, но особый фокус на психических особенностях индивидов в них отсутствует. В России главным образом систематическим изучением влияния пространства на поведение людей сегодня занимается А. Крашенинников, разрабатывающий теорию когнитивной урбанистики. Автор утверждает, что «определенным образом организованное пространство вызывает к жизни соответствующую социокультурную активность, пространственный рисунок поведения людей можно прогнозировать, программировать» (Крашенинников, 2025: 185). Несмотря на то что Крашенинников определяет детерминацию когнитивного состояния индивида количеством людей вокруг него (Там же), корреляция между психическими особенностями пользователей урбанизированной среды и морфологией пространственных характеристик автором не проводится.

Зависимость СД от поведенческих особенностей (ПО) подчеркивалась авторами крупных кросс-культурных исследований (Sorokowska, Sorokowski, Pierce, 2017), рассматривающих различные проксемические дистанции. Проксемическая дистанция обозначает расстояние между акторами, которое обладает информацией об их эмоциональном состоянии, социально-культурных особенностях и характере коммуникации (Hall, 1969). Классические когнитивные исследования также подтверждают корреляцию проксемических дистанций и когнитивных стилей — КС (Witkin, Moore, Cjjodenough, Cox, 1977).

Цель исследования заключается в формировании идеализированной пространственной модели оптимума СД. СД является пространственным взаимоотношением акторов, выражающим степень их взаимопонимания и близости, которые характеризуют досоциальные (предкоммуникативные) и социальные отношения в целом (Bogardus, 1925). Иными словами, концепция СД пространственно измеряет степень готовности людей к установлению социального контакта.

Рабочая гипотеза исследования: системная организация оптимума СД достижима лишь для незнакомых между собой акторов либо при условии их строгого одновременного количественного и качественного распределения. Под системной пространственной организацией подразумевается структури-

рованное и взаимосвязанное расположение элементов пространства, рассматриваемое как целостная система.

Объект исследования — СД в качестве пространственной характеристики.

Предмет исследования составляют такие психологические особенности индивида, как КС и экстраверсия, амбиверсия, интроверсия как ПО.

Детерминирующие СД КС — индивидуально-своеобразные способы переработки информации о своем окружении в виде индивидуальных различий в восприятии, анализе, структурировании, категоризации, оценивании происходящего (Холодная, 2004). Также участвующие в формировании СД ПО — индивидуально выраженные характеристики поведения, проявляющиеся в устойчивых реакциях и способах взаимодействия с окружающей средой, которые формируются под влиянием наследственных и средовых факторов и отражают специфику индивида в адаптации и социальной активности.

Новизна работы состоит не столько в определении корреляции данных двух областей, демонстрирующих теоретическую независимость, но в обнаружении коррелятов родственной природы, которые позволяют совершить их сопоставление. Полученные процентные соотношения психических особенностей индивидов впервые рассматриваются в виде основы организации пространственной структуры.

Для достижения цели исследования были поставлены следующие **задачи**. Начальным этапом основной части работы является выявление количественной корреляции процентных отношений индивидов с различными КС и ПО. Дальнейшей задачей ставится категоризация СД, размеры которых в синтезе с полученными на предыдущих этапах данными используются при выполнении завершающей исследование ключевой задачи — построении пространственной модели антропогенной среды.

Методика исследования

В качестве стимульного материала используется СД как пространственная характеристика, образующаяся между акторами. Процентные отношения индивидов с различными КС, зафиксированные в ранее проведенном исследовании (Дюпина, 2019), использованы в качестве исходных данных. Также принято определенное процентное отношение индивидов в популяции с такими ПО, как интроверсия, амбиверсия и экстраверсия (Bartol, Bartol, 2016). Используемые данные подвергаются обобщающей экспериментальной коррекции и сопоставлению. СД в виде сопутствующих характерных пространственных значений подвергаются категоризации в зависимости от психологических особенностей индивидов. На основе корреляции СД и КС + ПО выполняется пространственное моделирование.

Теоретическая часть исследования

Исследования КС связывают пространственное восприятие со степенью зависимости от внешних стимулов как поля (MacLeod, Jackson, Palmer, 1986) и образующимся в связи с этим культурным контекстом в когнитивной реальности индивида (Alotaibi, 2024), что подчеркивает важность КС для организации пространственных характеристик городской среды, определяющих городскую активность наравне с интроверсией, амбиверсией и экстраверсией индивидов.

В рамках КС и ПО процессы восприятия имеют схожий характер, что косвенно подтверждено в работах, обнаруживающих влияние КС на обработку стимулов. Так, поленезависимые личности отличаются более эффективным анализом контекста, что также характерно для интровертов (Farmaki, Sakkalis, Loesche, Nisiforou, 2019). Результаты цветового теста пространственных способностей обнаруживают связь личностных черт и когнитивной обработки пространства, что также может подтверждать сходство в пространственных предпочтениях у личностей с определенными КС и ПО (Dunn, Eliot, 1993). В связи с этим становится допустимым использование соответствующих определенным ПО метрических данных СД, зафиксированных в ранее проведенных исследованиях (Hall, 1959), в качестве морфологических характеристик городской среды, удовлетворяющих эквивалентные КС.

Концепцию зависимости от поля в дискурсе городского планирования необходимо рассматривать, опираясь на обозначенные полярные значения: поленезависимость (ПНЗ) как вид КС, выражающий индетерминизм субъекта к визуальному, пространственному контексту и другим сенсорным данным; полезависимость (ПЗ) как детерминизм психики внешними стимулами.

Корреляцию проксемических зон и КС подтверждают когнитивные исследования H. A. Witkin: ПЗ-индивиды склонны к увеличению рамок приватного пространства и минимизируют социальные контакты (Witkin, Moore, Cjjodenough, Cox, 1977), что схожим образом проявляется у интровертов. Соответственно, в рамках проксемики СД ПНЗ-личностей будут увеличиваться по отношению к нормативным, а у ПЗ-личностей уменьшаться. Корреляция СД и ПО для комфортного осуществления необязательной деятельности, по Я. Гейлу (Гейл, 2012) являющейся одной из важнейших аспектов городского образа жизни, отражает общую механику социальных границ: проксемические нормы социальной зоны предельного экстраверта будут сдвигаться ближе к нормативам персонального общения амбиверта, а персональная зона в экстремуме может сдвигаться до интимной зоны интроверта. Таким образом, допустимо сделать вывод, что социальная компрессия для ПЗ-экстравертов является необходимым стимулом для удовлетворения ценностно обусловленных потребностей, соответственно, для самоидентификации. Узкие улицы со сложной пластикой и высоким количеством сенсорных стимулов будут являться одним из вариантов органичной городской среды для этих индивидов. Схожим образом размеры СД требуют определения в качестве комфортной пространственной характеристики и для остальных КС.

Отдельно стоит отметить, что психическая динамика, связанная с возрастными изменениями, увеличивает тенденцию к ПНЗ в подростковом возрасте (Моисеев, 2002), которая приобретает обратный вектор у пожилых людей (Chan, Yan, 2018). Это позволяет сделать вывод, что люди старшего возраста отдают предпочтение определенной городской морфологии, способствующей большей социализации. Выявленная взаимосвязь КС, ПО, возраста и пола позволяет при помощи использования соответствующих им пространственных характеристик определенным образом зонировать городскую среду, что будет способствовать смысловой акцентуации этих зон. Это также актуализирует вопрос о приемлемости использования усредненных проксемических норм, существенным образом составляющих социальную основу эргономики городской среды.

Различная степень ригидности как свойство определенного КС определяет пространственные предпочтения индивида, но соответствие проектируемых характеристик городской среды и КС считаем эффективным рассматривать в базе с опорой на их фиксированность, поскольку в своей устойчивости она также определяет полярность средовых качеств, экстремумы пластических и пространственных свойств. Чем выше тяготение КС к фиксированности, тем существеннее проявляются потребности индивида в определенном пространстве.

Теоретическая работа М. А. Холодной подтверждает: тишина и изоляция являются стрессорами для ПЗ-индивидов (Холодная, 2004). По этой причине ПЗ-субъекты чувствуют себя комфортнее при фоновой активности, выбирают социально активные пространства, позволяющие легко наблюдать за другими людьми и взаимодействовать с ними, тем увеличивая возможности сокращения дистанции в коммуникации. ПНЗ-субъекты, напротив, эффективнее обрабатывают стимульную информацию в условиях контролируемой сенсорной среды (Дюпина, Черемошкина, 2012). Контроль может осуществляться над уровнем шума, визуальными стимулами и социальным взаимодействием. Морфологически такая среда реализуется при помощи выраженной структурности, ясных физических границ, четкого зонирования пространства, его иерархичности с выделением главного и вторичного. Также по этой причине перегруженные, неструктурированные пространства снижают уровень комфортности пребывания ПНЗ-индивидов.

Ранжирование КС по степени фиксированности/мобильности наравне с ПО позволяет организовать объемно-пространственной структурой городской среды целевые когниции, ориентированные на совпадающие КС индивидов, что обеспечивает большую удовлетворенность соответствующих социальных групп совместным пространством (Witkin, Moore, Cjjodenough, Cox, 1977). Дополнительным, но равноценным значением, формирующим смысловые якорные точки и локусы в городской среде, необходимо считать ориентированность на экстраверсию, амбиверсию, интроверсию целевой аудитории, что также будет находить отражение в генерируемой идентичности локуса. По этой причине вариативность пространственных характеристик как одна из ключевых задач градостроительной практики способна не только расширить возможности для качественной локализации соответствующих определенной психической органике средовых пользователей функций в городской среде, но и создать возможности для самоактуализации индивида.

Формирование пространственной модели оптимума социальной дистанции

Полученные в ходе исследования, проведенного С. А. Дюпиной, данные по КС индивидов в широкой выборке (Дюпина, 2019) и процентные показатели их ПО (Bartol, Bartol, 2016) после проведенной с целью округления экспериментальной коррекции имеют соотношение, отображенное на рис. 1.

Поскольку нормативы СД варьируются в зависимости от различных ПО (Hall, 1959), предложено использовать в качестве их экстремумов расстояние в 4 м для интровертов и 1,5 м для экстравертов. Образующаяся промежуточная градация позволяет определить нормы СД для амбивертов, а также категоризировать СД в зависимости от КС (рис. 2). В качестве промежуточного

расстояния между любой из групп КС и ПО используются среднее значение между дистанциями акторов внутри соседствующих групп.

Рис. 1. Схема процентного отношения КС и ПО

Интроверты		Амбиверты			Экстраверты
ФПНЗ	МПНЗ	МПНЗ	МПЗ	ФПЗ	ФПЗ
4 м.	3 - 3,75 м.	2 м.	2 м.	2 м.	1 - 1,5 м.

ФПНЗ - фиксированные поленезависимые индивиды
МПНЗ - мобильные поленезависимые индивиды
МПЗ - мобильные полезависимые индивиды
ФПЗ - фиксированные полезависимые индивиды

Рис. 2. Нормативы СД в зависимости от ПО и КС индивидов

Построение пространственной модели оптимума СД (рис. 3) осуществлялось посредством перпендикулярного размещения акторов по отношению друг к другу либо до перпендикулярного размещения по отношению к линии коммуникации между другими соседствующими акторами. Равномерное распределение акторов выполнялось от центра, что оказало влияние на формообразование пространственной структуры. Несмотря на то что она имеет ярко выраженные признаки симметрии, полноценной модульной единицей не является.

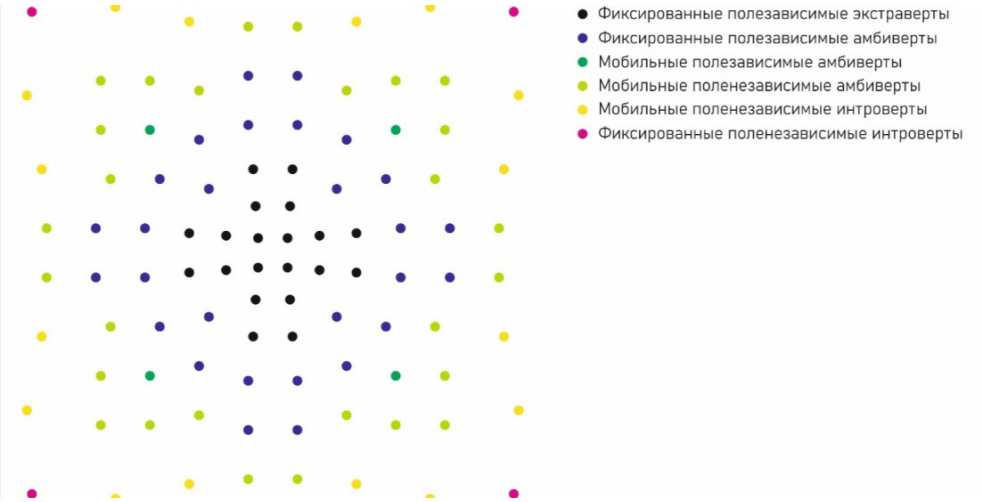

Рис. 3. Пространственная модель оптимума СД

При создании модели выявлен ряд существенных ограничений для ее использования, которые требуют дальнейшего исследования. Организованная структура акторов имеет фиксированное значение, не находится в динамике, поэтому имеет применение для социальных практик, не предполагающих активного перемещения (пассивный отдых, наблюдение). Общественные пространства (ОП), построенные на основе созданной модели, будут иметь полноценную социальную функцию лишь при строгом количественном заполнении: возникающия компрессия и декомпрессия меняют размеры СД. При этом пространство не должно обладать транзитной миграцией, а корреспонденции внутри модели должны осуществляться лишь для смены места акторов. Следовательно, образующееся пространство не предполагает взаимодействия в рамках публичной, персональной и интимной зоны. Обобщая, можно сделать вывод, что разработанная идеализированная модель оптимума СД позволяет организовать ОП, удовлетворяющее КС и ПО акторов в антропогенной среде при условии отсутствия предварительного установления контакта и строгом количественном ограничении присутствующих. Таким образом, выдвинутая гипотеза находит свое подтверждение.

Выявленный регламент коммуникаций при установлении оптимума СД удовлетворяет требования при нанесении разметки для очередей и зон ожидания, размещения людей на массовых мероприятиях, в открытых читальных и лекционных пространствах. Помимо прочего, крестообразная структура, образующаяся в результате моделирования оптимума СД, определена центральной симметрией, что позволяет выделить минимальный модуль, адаптируемый для создания ОП на 25 посетителей (рис. 4).

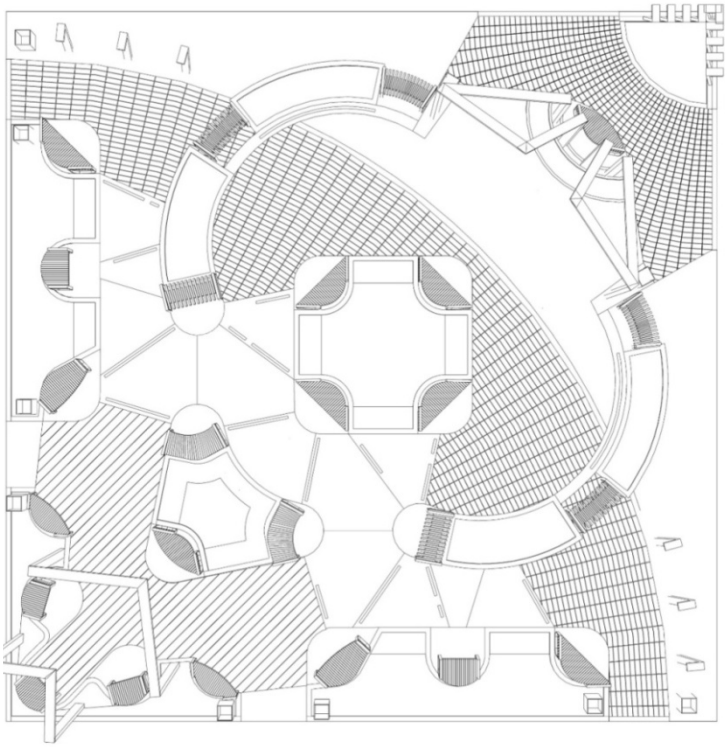

Рис. 4. Концептуальное предложение ОП, основанное на модуле оптимума СД

Зависимость комфорта в интерсубъективных процессах состоит не только в СД, но и в количестве, структуре визуальных стимулов, возникающих в воспринимаемой фокусной точке (Cunningham, Ridley, Campbell, 1988). В связи с этим зоны ОП организуют целевые когниции, ориентированные на определенные КС и ПО. Под когницией подразумевается процесс, в ходе которого сенсорные данные преобразуются в виде ментальных репрезентаций разного типа (Кубрякова, Демьянков, Панкрац, Лузина, 1996). Несмотря на то что концептуальное предложение может не обладать признаками строгого зонирования, в нем необходимо выделить локусы, количественно и качественно соответствующие целевым когнициям. При полярной ориентированности точек входа в ОП на фиксированных ПЗ- и фиксированных ПНЗ-индивидов организующиеся целевыми когнициями соответствующие зоны связуются транзитами, образующими пространство, комфортное для индивидов промежуточных групп ПО и КС. Важно отметить, что потребность в количестве и качестве стимулов, задающих целевую когницию, способна удовлетворяться пластически, структурно различным характером материалов и видами освещения, степенью проницаемости границ между соответствующими зонами ОП.

Выявленная специфика существует лишь в модели, которая предполагает количественное ограничение в 100 человек, что открывает возможности для изучения моделей СД, измененных в количестве акторов кратно. Использование фиксированных расстояний между акторами внутри какой-либо группы вносит унификацию, в связи с этим допустимо поднять вопрос об использовании сложной градации, различных прогрессий при расчете проксемических зон.

Заключение

Проведенное исследование содержит теоретическое обоснование и визуализацию концепции СД как структурообразующего инструмента городской среды. На основе анализа корреляций между процентными соотношениями КС и ПО индивидов разработана идеализированная пространственная модель оптимума СД. Данная модель, являющаяся ключевым результатом работы, подтверждает гипотезу о дополнительных условиях, необходимых для обеспечения комфортного психологического состояния индивидов с различными КС и ПО в едином антропогенном пространстве. Она демонстрирует, что системная пространственная организация, минимизирующая стрессогенное воздействие городской среды, достижима при учете психологических характеристик ее пользователей. С этим сделан следующий ключевой вывод: реализация идеализированной модели возможна лишь в условиях строгого количественного и качественного распределения незнакомых акторов, исключающего активные транзитные миграции и формы коммуникации, выходящие за рамки СД.

Поиск оптимальных диапазонов различных видов дистанций, структур распределения индивидов в зависимости от их психических особенностей необходимо вести в рамках дальнейших исследований, рассматривающих определенные целевые группы. Полученные данные позволят осуществить детализацию концепции целевых когниций, что увеличит возможности ее непосредственного использования в архитектурных и градостроительных решениях, направленных на формирование локальных городских ОП, чьи

характеристики будут удовлетворять соответствующие группы городских акторов, способствуя их самоидентификации и самоактуализации. Также перспективы дальнейших исследований видятся в разработке более сложных градаций проксемических зон, изучении динамических моделей для большего числа акторов, а также в эмпирической апробации предложенной концепции в реальных проектных условиях.

Данная работа обозначает вектор для последующей конвергенции психологии, социологии, нейрофизиологии, проксемики и областей знания, относящихся к городскому планированию. Междисциплинарный синтез позволит разработать комплекс моделей пространственных морфотипов, адресованных различным социальным группам, и расширить научные основы для психологически ориентированного подхода к проектированию антропогенной среды.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Гейл Я. Города для людей. М.: Концерн «Крост», 2012. 276 с. EDN: QNQBIP

Дюпина С. А. Особенности расщепления полюсов когнитивного стиля полезависимость/поленезависимость испытуемых // Вестник Костромского государственного университета. 2019. № 1. С. 74—78. EDN: ZGYODJ

Дюпина С. А., Черемошкина Л. В. Когнитивный стиль в структуре мнемических способностей женщин // Психологическая наука и образование. 2012. № 1. С. 5—16. EDN: OYCFKT

Крашенинников А. В. Когнитивные модели городской среды. М.: КУРС, 2025. 216 с.

Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: МГУ, 1996. 245 с. EDN: OGVICE

Линч К. Образ города. М.: Стройиздат, 1982. 328 с.

Моисеев Д. В. Взаимосвязь когнитивного стиля (полезависимость – поленезависимость) и профессиональной ориентации у молодых людей мужского пола // Вопросы студенческой науки. 2002. № 8(27). С. 28—32.

Холодная М. А. Когнитивные стили: о природе индивидуального ума. СПб.: Питер, 2004. 384 с.

Alotaibi A. S. Regional differences in field dependent-independent cognitive styles in Saudi Arabia // Acta Psychologica. 2024. Vol. 244. Art no. 104186. DOI: 10.1016/j.actpsy.2024.104186

Bartol C. R., Bartol A. M. Criminal Behavior: A Psychosocial Approach. Boston: Pearson, 2016. 516 p.

Bogardus E. S. Measuring Social Distances // Journal of Applied Sociology. 1925. Vol. 12. Pp. 216—226.

Chan J. S. Y., Yan J. H. Age Related Changes in Field Depen-dence Independence and Implications for Geriatric Rehabilitation: A Review // Perceptual and Motor Skills. 2018. Vol. 125. No. 2. Pp. 234—250.

Cunningham D. M., Ridley S. E., Campbell A. Performance of Field-Independent and -Dependent College Students, and Their “Fixed” and “Mobile” Subtypes, on Two Formats of a Cognitive Task // Perceptual and Motor Skills. 1988. Vol. 66. No. 1. Pp. 311—317. EDN: GQSBRO

Dunn A., Eliot J. Extraversion-introversion and spatial intelligence // Perceptual and Motor Skills. 1993. Vol. 77. No. 1. Pp. 19—24. EDN: HJTZQN

Eberhard J. P. Brain Landscape: The Coexistence of Neuroscience and Architecture. N.Y.: Oxford University Press, 2009. 259 p.

Ellard C. Neuroscience, Wellbeing, and Urban Design: Our Universal Attraction to Vitality // Psychological Research on Urban Society. 2020. Vol. 3. No. 1. Pp. 1—64. DOI: 10.7454/proust.v3i1.81

Farmaki C., Sakkalis V., Loesche F., Nisiforou E. A. Assessing field dependence-independence cognitive abilities through EEG-based bistable perception processing // Frontiers in Human Neuroscience. 2019. Vol. 13. Art. no. 345.

Hall E. T. The Hidden Dimension. N.Y.: Anchor Books, 1969. 256 p.

Hall E. T. The Silent Language. Greenwood: Fawcett, 1959. 192 p.

MacLeod C. M., Jackson R. A., Palmer J. On the relation between spatial ability and field dependence // Intelligence. 1986. Vol. 10. No. 2. Pp. 141—151.

Sorokowska A., Sorokowski P., Pierce Jr. J. D. Preferred interpersonal distances: a global comparison // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2017. Vol. 48. No. 4. Pp. 577—592. DOI: 10.1177/0022022117698039

Witkin H. A., Moore C. A., Cjjodenough D. R., Cox P. W. Field-dependent and field-independent cognitive styles and their educational implications // Review of Educational Research. 1977. Vol. 47. No. 1. Pp. 1—64. DOI: 10.3102/00346543047001001

Research Article

Evgeny V. Molokov✉

Master's Degree student of Architecture Department, Tyumen State Institute of Culture. 38, Karskaya st., Tyumen, 625048, Russia;
e-mail: portfoster@gmail.com

Valery V. Kozlov

Candidate of Architecture, Professor of Architecture and Urban Planning Department, Professor of Architectural Design Department, Irkutsk National Research Technical University. 83, Lermontova st., Irkutsk, 664074, Russia;
e-mail: kozlov@istu.edu

SOCIAL DISTANCE AS A STRUCTURAL FRAMEWORK FOR URBAN SPACE

Abstract. This paper presents an interdisciplinary study at the intersection of architecture and psychology, examining social distance as a spatial characteristic capable of organizing the anthropogenic (human-made) environment according to the psychological characteristics of its users. Certain cognitive styles and behavioral characteristics of individuals are used as determinants of morphology. For the first time, quantitative indicators of the prevalence of these psychological characteristics are proposed as criteria for spatial organization, which constitutes the novelty of the work. The aim of the study is to develop an idealized spatial model that establishes an optimum of social distances among actors in the anthropogenic environment. To achieve this aim, a correlation analysis of the percentage ratios of cognitive styles and behavioral characteristics was performed, followed by a categorization of proxemic distances; these steps collectively formed the basis for spatial modeling. The constructed spatial model, as the main result of the work, confirms the hypothesis that the existence of an optimum of social distances requires such necessary conditions as strict quantitative and qualitative filling of space by actors, absence of transit migration, and limitation of communication forms. This work not only determines the trajectory for subsequent interdisciplinary synthesis, but also expands the possibilities for developing the concept of targeted cognitions aimed at creating public spaces that foster self-identification and self-actualization of various groups of urban actors.

Key words: urban environment, cognitive styles, behavior, proxemics, social distance.

For citation: Molokov E. V., Kozlov V. V. (2026) Social distance as a structural framework for urban space. *Sotsiologiya Goroda* [Urban Sociology], no. 2, pp. 5—17 (in Russian). DOI: 10.35211/19943520_2026_2_5

REFERENCES

Alotaibi A. S. (2024) Regional differences in field dependent-independent cognitive styles in Saudi Arabia. *Acta Psychologica*, vol. 244, art. no. 104186.

Bartol C. R., Bartol A. M. (2016) *Criminal Behavior: A Psychosocial Approach.* Boston: Pearson, 516 p.

Bogardus E. S. (1925) Measuring Social Distances. *Journal of Applied Sociology,* vol. 12. pp. 216—226.

Chan J. S. Y., Yan J. H. (2018) Age-Related Changes in Field Dependence-Independence and Implications for Geriatric Rehabilitation: A Review. *Perceptual and Motor Skills,* vol. 125, no. 2, pp. 234—250.

Cunningham D. M., Ridley S. E., Campbell A. (1988) Performance of Field-Independent and -Dependent College Students, and Their "Fixed" and "Mobile" Subtypes, on Two Formats of a Cognitive Task. *Perceptual and Motor Skills*, vol. 66, no. 1, pp. 311—317.

Dunn A., Eliot J. (1993) Extraversion-introversion and spatial intelligence. *Perceptual and Motor Skills*, vol. 77, no. 1, pp. 19—24.

Dyupina S. A. (2019) The peculiarities of differentiation of the poles of the cognitive style "field dependence / field independence" in subjects. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], vol. 1, pp. 74—78 (in Russian).

Dyupina S. A., Cheremoshkina L. V. (2012) Cognitive style in the structure of mnemonic abilities of women. *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], vol. 1, pp. 5—16 (in Russian).

Eberhard J. P. (2009) *Brain Landscape: The Coexistence of Neuroscience and Architecture.* N. Y.: Oxford University Press, 259 p.

Ellard C. (2020) Neuroscience, Wellbeing, and Urban Design: Our Universal Attraction to Vitality. *Psychological Research on Urban Society*, vol. 3, no. 1, pp. 1—64. DOI: 10.7454/proust.v3i1.81

Farmaki C., Sakkalis V., Loesche F., Nisiforou E. A. (2019) Assessing field dependence–independence cognitive abilities through EEG-based bistable perception processing. *Frontiers in Human Neuroscience,* vol. 13, art. no. 345.

Gehl J. (2012) *Goroda dlya lyudei* [Cities for people]. Moscow: Kontsern "Krost", 276 p. (in Russian).

Hall E. T. (1959) *The Silent Language.* Greenwood: Fawcett, 192 p.

Hall E. T. (1969) *The Hidden Dimension.* N. Y.: Anchor Books, 256 p.

Kholodnaya M. A. (2004) *Kognitivnye stili: o prirode individual'nogo uma* [Cognitive Styles: On the Nature of the Individual Mind]. Saint Petersburg: Piter, 384 p. (in Russian).

Krasheninnikov A. V. (2025) *Kognitivnye modeli gorodskoi sredy* [Cognitive Models of the Urban Environment]. Moscow: KURS, 216 p. (in Russian).

Kubryakova E. S., Dem'yankov V. Z., Pankrats Yu. G., Luzina L. G. (1996) *Kratkii slovar' kognitivnykh terminov* [A Concise Dictionary of Cognitive Terms]. Moscow: MGU, 245 p. (in Russian).

Lynch K. (1982) *Obraz Goroda* [The Image of the City]. Moscow: Stroyizdat, 328 p. (in Russian).

MacLeod C. M., Jackson R. A., Palmer J. (1986) On the relation between spatial ability and field dependence. *Intelligence*, vol. 10, no 2, pp. 141—151.

Moiseev D. V. (2002) Relationship of Field Dependence/Field Independence Cognitive Style and Professional Orientation in Young Male People. *Voprosy studencheskoy nauki* [Questions of Student Science], no. 8, pp. 28—32 (in Russian).

Sorokowska A., Sorokowski P., Pierce Jr. J. D. (2017) Preferred interpersonal distances: a global comparison. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, vol. 48, no. 4, pp. 577—592.

Witkin H. A., Moore C. A., Cjjodenough D. R., Cox P. W. (1977) Field-dependent and field-independent cognitive styles and their educational implications. *Review of Educational Research*, vol. 47, no. 1, pp. 1—64.

Поступила в редакцию 02.12.2025 *Received 02.12.2025*

Принята в печать 22.04.2026 *Accepted for publication 22.04.2026*